Л. КЛИМОВИЧ

Коран и его догматы

КАЗГОСИЗДАТ · 1958

Л. КЛИМОВИЧ

КОРАН
И ЕГО
ДОГМАТЫ

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА — 1958

Л. И. Климович

КОРАН И ЕГО ДОГМАТЫ

Редактор *Грабарник А. З.* Худож. редактор *Дубров П. Л.*
Техн. редактор *Кузембаева А. И.* Корректор *Тимошенко Э. В.*

Сдано в набор 23/VI 1958 г. Подписано к печати 23/XII 1958 г.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$—1,625=2 66 п. л (2 96 уч.-изд. л.).
Тираж 10 000 экз. УГ06160
Казгосиздат, г. Алма-Ата, Панфилова 141.
Цена 70 коп.

Заказ № 923. Типография № 2 Главиздата Министерства культуры КазССР, г. Алма-Ата, ул. Карла Маркса, 63.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОРАНА

Во многих религиях имеются книги, которые истолковываются их проповедниками как священные. Таковы «Веды» у индусов, «Авеста» у зороастрийцев, Библия у иудеев, Библия же (Ветхий завет) и евангелия у христиан. В таких книгах обычно содержатся сказания о боге или богах, их пророках и посланниках, о сотворении мира и человека, а также изложены разные религиозные предписания и иные законоустановления.

Проповедники каждой религии считают, что только книги их веры правильные и божественные, а «писания» других вер неправильные, ложные. Наука же подходит к книгам любой религии одинаково, без предвзятости. Так она рассматривает и Коран — книгу, считающуюся священной в исламе — религии, последователи которой называют себя мусульманами.

Коран — по-арабски «Кур'ан», что буквально означает «Чтение» (от арабского глагола «кара'а» — читать) — по мусульманской догме не сотворен, а существовал предвечно, хранится под престолом Аллаха и как «откровение» передан частями пророку Мухаммеду через ангела Джебраиля[1]. На основе положений Корана строится законодательство — шариат в стране, где ислам сохранил роль государственной религии, на Коране принимаются присяги и клятвы. Отдельные экземпляры Корана и выписанные из него изречения рассматриваются суеверными людьми как талисманы, имеющие будто бы магическую силу. Коран и его толкование (тафсир) составляют один из главных предметов программ ряда учебных заведений в Пакистане, Турции, Иране и некоторых других странах.

[1] Джебраиль — ангел в исламе, соответствующий христианскому архангелу Гавриилу.

Ислам, как и всякая религия,— явление историческое; он возник в Аравии в начале VII века н. э., то есть более 1 300 лет тому назад. И уже очень рано в этой религии появились записи богослужебного и законодательного характера, которым придавалось значение руководства. С распространением ислама на сравнительно большой территории возникла необходимость составления свода таких записей в виде «Корана». В то время у власти в Аравии стояла феодализирующаяся знать во главе с халифом, объединявшим в своем лице светскую и духовную власть. Под руководством халифов и была составлена эта обширная книга, состоящая из 114 глав разной величины. Тот факт, что книга эта была написана людьми того времени, подтверждается и мусульманским преданием (сунна), переданным средневековыми историками (например, ат-Табари, жившим в годы 838—923). Согласно этому преданию, в книге оказались стихи (аяты), не известные при жизни «основателя» ислама — пророка Мухаммеда. Это прежде всего то место Корана, где в третьем лице говорится о возможной смерти Мухаммеда (3, 138)[1].

Одна из первых попыток составить Коран, как поучение, обязательное для всех мусульман, была сделана в правление халифа Османа около 650 года. К этому времени в мусульманской общине появилось несколько разноречивых записей («чтений»), которым придавалось религиозное и законодательное значение. И в политических интересах халифа было заменить их единым, вполне устраивавшим господствующие круги, списком.

Дальнейшие изменения в Коран, составленный при Османе, вносились, по-видимому, в течение сравнительно длительного времени, причем, как и его составление, они (или иначе — интерполяции и редакции) делались в условиях обостренной политической и религиозной борьбы. Многое было, вероятно, внесено в текст Корана и при разделении входящих в него материалов на главы (сура) и стихи (аят), а особенно когда в нем проставлялись диактрические знаки (черточки, как обычно в куфическом почерке, заменяющие точки). Последнее имело место не ранее 702 года, то есть не ранее основания

[1] Здесь и далее первая цифра в скобках означает главу, а вторая — стих Корана.

города Васита, где по преданию эти знаки были проставлены по предложению известного своей жестокостью арабского наместника Ирака аль-Хаджжаджа (660—714). До этого времени существенные разночтения могли происходить также из-за того, что в древнем арабском письме не указывались удвоения букв, как правило, не ставились гласные, поэтому было неясно, в прошедшем или настоящем времени употреблен тот или иной глагол, и т. д.

После установления канонического списка Корана все другие его списки, содержавшие разноречивые тексты, под угрозой жестокого наказания стали уничтожаться. Не найдены они и сейчас, хотя есть данные, что списки с текстом, имевшим отличия по сравнению с официальным, существовали еще в IX—X вв. Такой список в то время был у египетского историка Ибн-Кудейда.

Древнейшие из сохранившихся рукописей Корана датируются концом VII или началом VIII века, то есть относятся ко времени редакции произведенной по поручению аль-Хаджжаджа. К ним примыкает и так называемый «османовский» список Корана, в течение столетий выдававшийся богословами за первоначальный, с которого якобы списывались копии. По легенде, в 656 году во время чтения этого списка халиф Осман был убит сторонниками его преемника халифа Али (656—661 гг.). «Османовский» список уже имеет диактрические значки, но в нем еще нет других над- и подстрочных значков, принятых в позднейшем арабском письме (хемза, медда, тешдид, сукун, гласные). Беспристрастное исследование списка показывает, что его нельзя датировать ранее конца первой четверти VIII века или, иначе, начала II века хиджры[1]. Относительно же «священной крови халифа Османа», будто бы обагрившей этот список, изучавший его арабист А. Ф. Ше-

[1] Хиджра (арабск., откочевка, переселение) — дата мусульманского лунного летоисчисления, ведущегося от 16 июля 622 года. По преданию в основу этой даты положено переселение пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину. Но днем хиджры в разных преданиях ислама называется не 16 июля, а 14, 20 или 24 сентября 622 года. Год мусульманского календаря на 11 дней меньше солнечного, каждые 33 мусульманских лунных года равны лишь 32 солнечным. Постепенно накапливающаяся разница между этими календарями к 1958 году составила более 41 года: 1958 году н. э. соответствует 1377 и 1378 гг. хиджры; из них 1377 год хиджры при-

бунин писал: «Может быть, давно прежде было меньше крови, чем теперь; может быть, кровяные пятна подвергались такой же реставрации, какой... подвергался и текст,— теперь про это мы утвердительно ничего не можем сказать, но одно несомненно, что давно, или недавно, но те пятна, которые мы видим теперь, намазаны не случайно, а нарочно, и обман произведен так грубо, что сам себя выдает. Кровь находится почти на всех корешках и с них расплывается уже более или менее далеко на середину листа. Но расплывается она совершенно симметрично на каждом из смежных листов: очевидно, что они складывались, когда кровь еще была свежа. И при этом еще та странность, что такие пятна идут не сплошь на соседних листах, а через лист... Очевидно, что такое распределение крови случайно произойти не могло, а находим мы его таким постоянно».[1]

Таким образом, этот якобы священный список, в течение длительного времени находившийся в распоряжении мусульманского духовенства мечети Ходжа Ахрар в Самарканде, не имеет ничего общего с тем, за что он выдавался. Кстати, подобные «османовские Кораны» со следами крови показывались мусульманам и в Египте, в Испании (с XII века в Марокко), в Турции (Константинополь), Палестине и других местах. Возникновение их находится в прямой связи с обожествлением халифов и других феодалов, с культом «святых» ислама.

ходится на время с 29 июля 1957 по 17 июля 1958 года. Для перевода даты мусульманского летоисчисления на принятый у нас солнечный календарь составлены особые правила и таблицы. Неудобство мусульманского календаря состоит в том, что он оторван от хозяйственной жизни народов: его числа ежегодно начинаются по отношению к солнечному календарю на 11 дней раньше (в годы високосные и так называемые чрезвычайные лунные эта разница увеличивается или уменьшается на один день). Подробнее об этом см. Л. Климович. Праздники и посты ислама. Москва, 1941, стр. 5—17; Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. Пояснения И. Орбели. Ленинград, 1940; Синхронические таблицы для перевода от лунного летоисчисления к солнечному и обратно. Под редакцией Г. Мамедбейли. Баку, 1949. Несовершенства лунного календаря привели к тому, что теперь в большинстве государств Востока, даже в тех, где ислам сохраняет значение господствующей религии, введен новый стиль — календарь, соответствующий солнечному летоисчислению.

[1] *А. Шебунин.* Куфический Коран... Записки Восточного отделения русского археологического общества, т. VI, СПБ, 1892, стр. 76—77.

Уничтожение разноречивых списков Корана, произведенное по указанию халифов, является наиболее серьезным препятствием в изучении истории сложения и редакций этой книги. В сохранившихся и распространяющихся сейчас списках Корана есть некоторые отличия, но они заключаются в основном в разном делении на стихи и другие разделы, например, «джузы» или «сипары» — отделы (всего 30), введенные для удобства чтецов. Общее число стихов в различных списках Корана колеблется в пределах 6000 (в мединском списке) до 6 236 (в куфийском, индийском и некоторых других списках); в общепринятом списке, размножаемом теперь типографски, обычно 6 225 стихов.

С X—XI веков установилось несколько «школ» чтения (декламации) Корана, из которых некоторые существуют и в наше время. Изучение этих «чтений» представляет известный интерес для понимания постепенности сложения канонического текста Корана и его толкований, хотя и совершенно недостаточно для воспроизведения действительной картины истории этого сложного произведения.

Написан Коран рифмованной прозой, в своих древнейших частях близкой к той, которой еще лет за 150 до появления ислама пользовались арабские жрецы (кахины). Единство стиля в Коране отсутствует. Его религиозно-догматические, мифологические и законодательные материалы распадаются на несколько групп, из которых одни более древнего, а другие более позднего периода.

Имеющиеся в Коране сведения представляют интерес для характеристики эпохи возникновения ислама, общественной жизни арабов того и близкого ему времени. В этом смысле знаменательны, например, и те места Корана, где запрещаются как «худой обычай» или иначе — «плохой путь» браки между ближайшими родственниками, то есть кровосмесительство, имевшее место при групповых браках в эпоху первобытно-общинного строя. Коран дважды (запрещая браки с матерями, дочерьми, сестрами, тетками, племянницами и другими близкими родственниками) оговаривается, что «остаются такие браки, прежде сего уже совершившиеся» (4, 26 и 27). Из этого следует, что кровосмесительные браки имели место у арабов еще в период составления Корана. Характерным в этом отношении является и осуждение

Кораном обычая закапывания в землю новорожденного, если первый ребенок в семье девочка (81, 8—9). В то же время Коран, освящающий порядки общества, разделенного на антагонистические классы, разрешает многоженство, продажу невест, выдачу замуж малолетних и другие установления, принижающие женщину как в моральном, так и имущественном отношении.

Поскольку Коран составлялся и редактировался в период, когда халифы начали завоевательные войны вне Аравии, в нем появилась глава «Добыча». «Рвение, усердие» в битве с иноверцами — по-арабски «джихад» — толковались как «война за веру». В этом смысле, наряду со словом джихад, война называлась «путем божиим» (сабиль-уль-лаг; 2, 149, 186, 215), а о захваченном писалось как о «добре» (33, 19). Освящены Кораном были и те феодальные подати (джизья, харадж), которые стали взиматься при власти халифов; подобные или одноименные с ними подати существовали в соседних с Аравией государствах еще до возникновения ислама.

Наиболее старые места Корана, по-видимому, те, что содержат краткие красочные клятвы, где причудливо отразилась зависимость древних арабов от явлений природы, их наивная вера в то, что благополучие человека зависит от сверхъестественных сил. Здесь же имеются сведения об отдельных чертах общественной жизни, в частности, о наличии в Аравии городов. Например: «Клянусь небом, проливающим дожди; клянусь землею, выращивающей травы...» (86, 11). Или: «Клянусь смоковницей и маслиной; клянусь горою Синином и этим безопасным городом...» (95,1—3). Или еще: «Клянусь небом, украшенным созвездиями зодиака и днем предвозвещенным, клянусь свидетельствующим и тем, о чем он свидетельствует...» (85,1—3). Такие клятвы были связаны и с ожиданиями перемены в судьбах людей, с верой в близкое наступление «последнего дня», который предсказывали «пророки»: «Клянусь посылаемыми поочередно, несущимися быстро; клянусь показывающими ясно, различающими верно, передающими наставления и прощение и угрозу; предвозвещенное вам уже готово совершиться» (77,1—7).

Мифы и легенды о пророках, обычно сопровождающиеся угрозой расправиться с теми, кто не будет и впредь слушать «вестников» бога, занимают около четверти

всего Корана, примерно 1 500 стихов. Так, в него включено в несколько измененном виде учение Библии о пророках, в том числе о Моисее (Мусе), Иосифе Прекрасном (Юсуф), Ионе (Юнус или, иначе, «сахиб альхут» — «товарищ рыбы»)[1], Иисусе (Иса) и др. Много здесь и других элементов, заимствованных как из верований древних арабов, так и из иудаизма, христианства, зороастризма, а также, возможно, и из некоторых распространенных тогда религиозно-философских систем.

Наличие в Коране слегка подновленных старых сказаний, видимо, уже в период начального ислама вызывало возражения. Их не могли скрыть и авторы Корана, хотя они и выдали такие за слова «неверных»: «Когда читаются им наши знамения («аяты», т. е. стихи Корана.— Л. К.), они говорят: «мы уже слышали их! Если бы мы захотели, сказали бы такие же, как и эти; это только истории о старине» (8,31). Характерно также, что хариджиты, последователи одного из старейших направлений ислама, отбрасывают из Корана двенадцатую главу (суру «Юсуф»), считая, что изложенный в ней рассказ о прекрасном Юсуфе и безуспешно соблазнявшей его египтянке имеет любовный характер, несовместимый с «вдохновенным словом Аллаха». Вместе с тем по своему языку и стилю глава «Юсуф» вполне согласуется со многими другими частями Корана. В самом же Коране о ней сказано, как о «лучшем из рассказов, какие мы (бог) открыли в этом Коране» (12,3). И добавлено, что изложенный в этой главе рассказ о Юсуфе, его братьях и отце якобы является «одной из неизвестных повестей» (12, 103), тогда как на самом деле в близкой библейской версии этот миф был широко распространен уже за много веков до возникновения ислама.[2]

---

[1] В смысле: «поглощенный рыбой», соответствует библейскому мифу, усвоенному Кораном. Сравни Коран (68, 48; 37, 139—148; 21, 87 и др. и Библия, Книга пророка Ионы, главы 1—3).

[2] Богословы шиитского направления ислама считают, что Коран не полон. По их мнению, в него не включены по политическим соображениям, исходившим от халифа Османа, целая глава «Два светила» и другие места, в которых прославляется почитаемый шиитами, наряду с Мухаммедом, будущий халиф Али и его семья. Глава «Два светила» неоднократно издавалась, в том числе и в русском переводе. Ее анализ показывает, что она представляет стилизацию под Коран, с какой целью включает ряд выражений, встречающихся в разных его частях.

Такой характер Корана, а также многочисленные противоречия, содержащиеся в нем, заставляют определить его как сборник, не имевший единого автора.

Противоречий в Коране, вопреки находящемуся в нем утверждению (4,84), очень много. Так как с самого начала Корану придавалось не только религиозное, но и законодательное значение, как «арабскому судебнику» (13, 37), то скоро возникла потребность в разъяснении этих противоречий. Вопрос особенно осложнился, когда наряду с Кораном появилась литература мусульманского предания (сунна) и законодательства (шариат) и встала задача оправдания Кораном содержавшихся в них нововведений. В связи с этим была создана особая богословская теория «насх», делящая все стихи Корана на «отменяющие» (насих) и «отмененные» (мансух) и насчитывающая в нем 225 противоречий. Согласно этой теории 40 глав Корана, то есть более одной трети всего их числа (114), содержат отмененные стихи. Объяснения существующих противоречий в такой «несотворенной истине» как Коран, богословы ищут в его стихах, в одном из которых сказано: «Когда мы отменяем какой-либо стих (аят), или повелеваем забыть его, тогда даем другие, лучше того, или равные ему» (2, 100). Но характер противоречий Корана указывает на компилятивность этого сочинения, составители которого пользовались разными источниками, а это не может быть объяснено подобной ссылкой.

О компилятивности, а также небрежностях, допущенных при составлении и редактировании Корана, говорит и то, что в нем почти постоянно нарушается хронологическая и смысловая последовательность. Естественно, эти несовершенства можно объяснить теми условиями острой политической борьбы, в которой производилось составление и редактирование Корана, а также отсутствием у его составителей опыта в создании обширных сборников. Но толковать их как признак совершенства невозможно, если только сознательно не выдавать черное за белое. Конечно, можно заметить, что, за немногими исключениями, главы Корана, начиная со второй, названной «Корова» (аль-Бакара), расположены так, что по своему размеру к концу книги они все более уменьшаются. Если во 2-й главе 286 стихов, то в

3-й — 200, четвертой — 175, пятой — 120, и так количество стихов становится все меньше, доходя в главах 103, 108 и 110 всего лишь до трех стихов (в последней, 114-й главе, 6 стихов). Но эта «последовательность» только внешняя.

В большей мере условными оказываются также названия глав и обозначения в подзаголовке: «меккская» или «мединская». На это обстоятельство было обращено внимание еще в средние века. Однако произведенные с тех пор попытки хронологического расположения глав и стихов Корана (толкователя Корана Джеляльаддина Суйюти, 1445—1550 гг., а затем европейских исследователей) не дали до сих пор больших результатов. Причина прежде всего в том, что все эти исследователи в той или иной мере находились в плену мусульманской традиции, в сетях авторов «неисчерпаемых морей» предания, хотя у последних не было заслуживающих доверия источников, кроме того же Корана. В связи с этим еще в прошлом столетии немецким исследователем А. Шпренгером была высказана мысль, что «необходимо объяснить Коран посредством самого Корана». Но им же самим это положение последовательно не было применено. Не осуществленной вполне эта мысль остается и сейчас, хотя ее правильность не раз подтверждалась.

Догмат о несотворенности Корана давно вызывал споры и разногласия в среде богословов. Он подвергался критике во времена правления аббасидского халифа Мамуна (813—833), в частности, в течении мутазилитов (от арабского «мутазила» — удаляющиеся, отделяющиеся), принятом как обязательное, государственное. Инакомыслящих преследовала михна — своего рода мусульманская инквизиция. При мутазилитах имели место смелые выступления о Коране, развивавшие независимые суждения о нем, высказанные еще в VIII веке, например, поэтом Башшар ибн-Бурдом (убит в 783 г.); последний на одном многолюдном собрании в Басре, выслушав стихотворения современных ему поэтов, по поводу некоторых из них сказал: «Эти стихи лучше любой суры Корана». А младший современник Башшар ибн-Бурда арабский поэт Абу-ль-Атахия (ок. 750—825) не только не признавал несотворенности Корана, но считал, что некоторые из сочиненных им стихотворений го-

раздо лучше коранических глав. Но это течение, пытавшееся примирить ислам с некоторыми положениями античной философии, вскоре, при халифе Муттаваккиле (847—861), было отвергнуто.

Выдающийся арабский философ аль-Кинди (800—879), развивавший свое учение в направлении аристотелизма, скептически относился к Корану, находя в нем много противоречий, отсутствие правильного стиля, изящества и порядка: «И еще говорят, что духи и люди вместе не могут произвести ничего подобного!» — восклицал аль-Кинди.

В том же IX веке с резкой критикой Корана как литературного памятника выступил другой арабский мыслитель и литератор Ибн-ар-Равенди, примыкавший раньше к мутазилитам, а затем порвавший с ними и написавший против них несколько сочинений. «Его анализ направлялся и на сущность догматики вообще всех богооткровенных религий: в явлениях видимого мира он не мог усмотреть подтверждения мудрости или справедливости его творца».[1]

Произведения Ибн-ар-Равенди до нас не дошли, они были уничтожены его врагами. Взгляды его известны по отрывочным воспоминаниям его противников.

Передовые люди Востока еще в средние века развили эту смелую критику, при этом и они не отдавали предпочтения ни одной религии. Так, выдающийся поэт и философ Абу-ль-Ала аль-Ма'арри (973—1057), родом из Сирии, в своем сборнике «Аль-Лузумийат», например, писал: «Вера и неверие,... предания, которые преемственно повествуются... Коран, текст которого тщательно изучается... Библия[2]... евангелия... У каждого народа есть своя ложь, в которую, однако, люди свято веруют. Может ли после этого какой-либо народ хвалиться, что он идет путем праведным?»

Отдавая должное своему предшественнику, видному арабскому поэту аль-Мутанабби (915—965), Абу-аль-Ала написал к сборнику стихотворений последнего комментарий, вольнодумно назвав его «Чудо Ахмеда».

---

[1] *И. Ю. Крачковский.* Забытый источник для характеристики сочинений Ибн-ар-Равенди. Доклады Академии наук СССР. В, 1926, стр. 71.

[2] Возможно и другое чтение: «...Книга откровения (Коран), которая выставляется как авторитет, и Пятикнижие...» и т. д.

Рукопись этого сочинения хранится в собрании Института востоковедения Академии наук СССР. Описавший ее исследователь, отмечая необычность («кощунственность») ее названия для мусульманина, правильно указывает, что оно «заключается в двусмысленной игре именем Ахмед и в возникающем из этой игры намеке: это, с одной стороны, имя поэта, а с другой — частая замена имени пророка Мухаммеда (так он, согласно мусульманской традиции, раз назван в Коране.— Л. К.); как Коран является чудом, открытым Аллахом Мухаммеду, так стихи аль-Мутанабби являются чудом, созданным им самим».[1] Тем самым в замаскированной форме, Абуль-Ала выступил против тезиса о несотворенности и божественном совершенстве Корана, с которым будто бы не может сравниваться ничто другое, созданное людьми.

Развившееся в борьбе против этого жизнеутверждающего свободомыслия, а также против мутазилитов и иных «ересей» схоластическое мусульманское богословие — калам, приверженцы которого ставили целью словесное обсуждение и логическое подкрепление положений суннитского ислама,— жестоко расправлялось с каждым, кто был с ними несогласен, в частности, высказывался против догмата о несотворенности Корана. Согласно Абу-Ханифе — главе наиболее распространенного религиозно-юридического суннитского толка — мазхаба ханифитов — «пред творцом не есть тварь — Коран».[2] По учению ханифитов, «тот, кто говорит, что Коран сотворен,— кафир», то есть неверный. А получить прозвище «кафир» там, где ислам являлся государственной религией, было равносильно объявлению вне закона.

В исламе было также развито положение, что вообще вся мудрость и совершенство — в Коране, а поэтому-де никакие произведения, кроме него, не могут быть ценимы. Эта мысль, с помощью которой богословие пыталось пригнуть к земле человеческий гений, одержать верх над

[1] *В. И. Беляев.* Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии наук СССР. Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. VI (1953), стр. 87.

[2] Так якобы Абу-Ханифа ответил на вопросы христианина, заданные ему в присутствии багдадского халифа Харун-ар-Рашида. Эти ответы в целях прославления Абу-Ханифы и халифа до Октябрьской революции не раз издавались и в нашей стране. См. «Фауз ан-наджат» (Спасительный путь). Казань, 1840, стр. 47; есть также казанское издание 1888 г.

наукой и прогрессом, обобщена Бади-аз-заманом аль-Хамадани (умер в 398 г. хиджры) в таком поучении: «Начни изучение Корана; затем перейти к тафсиру; бог будет при этом тебе помогать. Не позволяй себя отвлекать от того, что я тебе здесь предписываю, этими книгами-мучениями, потому что это было бы пустым расточительством времени, так как не годится никакая мука, которая не содержится в Коране».

В 1926 году видный египетский ученый и писатель Таха Хусейн выступил с книгой о древнеарабской поэзии («Фи ш-ши'раль-джахили»). Коран он рассматривал не как ниспосланное с неба откровение, а как сочинение Мухаммеда, и, опираясь на данные науки, высказывал сомнение в историческом существовании Ибрахима (Авраама) и Исмаила. В ответ на это защитники религиозной традиции всячески стали поносить его труды в печати, называя его книгу, написанную с позиции робкой рационалистической критики, одной из «опор неверия», предназначенной для сокрушения религий и т. п.[1]

Таким образом, уже догмат о несотворенности, а отсюда и святости Корана противостоит развитию научных знаний, несовместим с прогрессом. Отрицательная роль этого догмата станет еще более ясной, если ознакомиться с содержанием Корана, с его учениями, в частности с тем, что в нем написано об окружающей нас природе, истории и устройстве мира, Земли, жизни и человека.

НАУКА И КОРАН О ВСЕЛЕННОЙ, ЗЕМЛЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Рассматривая ту или иную книгу, изложенные в ней факты и мысли, всегда следует иметь в виду, когда и кем эта книга написана, в каких конкретных исторических условиях она появилась. Так мы должны подходить и к Корану, хотя эта книга, согласно мусульман-

[1] В 1956 году, в период англо-франко-израильской агрессии в Египте Таха Хусейн «вернул Франции орден Почетного легиона, которым он был награжден в свое время французским правительством. Он заявил, что не желает иметь наград от правительства, совершившего преступное нападение на Египет». «Известия», 18 декабря 1956, № 298. 28 декабря 1958 года на конференции солидарности стран Азии и Африки в Каире Таха Хусейн выступил с докладом о культурном сотрудничестве стран Азии и Африки.

ской догматике, и считается существующей предвечно, то есть выдается за произведение, не имеющее времени своего создания.

Если отвлечься от этого религиозного догмата, а также от утверждений мусульманских богословов, выдающих поучения Корана за неизменную истину, то нельзя не заметить, что взгляды, изложенные в этой книге, составленной около 1 300 лет назад, не только не выдерживают проверки временем, но и не отражают даже более или менее верных сведений о строении вселенной, ее происхождении, которые содержались в трудах передовых мыслителей древности. Так, например, Аристотель (384—322 гг. до н. э.), «величайший мыслитель древности» (Маркс), в астрономическом трактате «О небе» писал:

«Небо не создано и не может погибнуть... Оно вечно, без начала и конца; кроме того, оно не знает усталости, ибо вне его нет силы, которая принуждала бы его двигаться в несвойственном ему направлении». Примерно в то же время ученые Китая постигли периодичность солнечных затмений, а астроном Ши Шэнь составил первый в мире звездный каталог, где перечислены 800 светил. Однако авторы Корана, жившие почти тысячу лет позднее, не стали утруждать себя философскими размышлениями или астрономическими расчетами. Следуя религиозным сказаниям первобытно-общинного и рабовладельческого общества, они свели вопрос об истории и строении мира к действиям разумного (то есть антропоморфного, человекоподобного) божества, Аллаха.

По Корану Аллах сказал «будь!» и появились «небеса и земля» (6,72); мир бог создал в шесть дней мастерски, без изъянов. Аллах «сотворил семь небес, (поставив) одно над другим сводами» (67,3). Небо бог устроил и украсил так, что «нет в нем ни одной щели» (50,6). Из семи небес «низшее небо» Аллах «украсил светилами и поставил их для отражения дьяволов» (67,5). Он «велел ему (небу) производить темноту ночи, заставил производить его утреннюю зарю» (79,29). Бог опустил также с «горных небес» (20,3) на землю лестницу, «по которой ангелы и духи восходят к нему в течение дня, которого продолжение пятьдесят тысяч лет» (70,3—4). Эта лестница только для небожителей: люди и черти, если б и

хотели влезть на небо, не были бы туда допущены (52, 38; 6,35). Никому из них не дано подсмотреть и подслушать жизнь небожителей: «как скоро кто начинал прислушиваться, тотчас подвергался охранительному пламеннику» (72,9); их «преследует яркий зубчатомелькающий пламень» (15,18). Если Аллах «захочет», то он, указывается в Коране, может «низвергнуть» на людей «какой-нибудь обломок» (34,9). Вообще, по Корану, сколь ни совершенно устроены богом небеса, но возможность падения их «кусков» не предотвращена (17, 94). В последних «доводах» Корана видна попытка откликнуться на явления так называемых «падающих звезд», то есть метеоритов или, иначе, болидов, большая часть которых, попадая в земную атмосферу, сгорает в ней, не долетев до поверхности нашей планеты.

Этим утверждениям Корана, свидетельствующим о крайней ограниченности кругозора его авторов, соответствуют изложенные в нем представления о Земле как неподвижной плоскости, удерживаемой в равновесии воздвигнутыми на ней горами. «Землю,— говорится от лица Аллаха в Коране,— мы разложили ковром» (51,48), поставили на ней «горные твердыни, дабы она с вами (людьми) не колебалась, (устроили на ней) реки и дороги, чтобы вам ходить прямыми путями...» (16,15).

Рассказы Корана, сунны и тафсира о мире выглядят плохой сказкой, они отражают представления древнего человека о непознанных им еще силах природы. В одном предании (хадисе), приписываемом пророку Мухаммеду (содержится у Ибн-аль-Факыха, IX в.), например, приведены такие фантастические сведения о «мироздании»: «Земля (держится) на роге быка, а бык на рыбе, а рыба на воде, а вода на воздухе, а воздух на влажности, а на влажности обрывается знание знающих».

Однако даже из религиозных сказаний видно, что учение Корана о создании мира богом удовлетворяло далеко не всех. Пытливые люди спрашивали, если бог создал небо и землю в шесть дней, то что же он делал до этого времени? Основоположник одного из направлений христианства — протестантизма Лютер в XVI в. будто бы ответил на такое сомнение: бог сидел в лесу и резал прутья для наказания интересующихся этим вопросом. В исламе на это откликается легенда, по которой некая Мануса из Тарсуса, которой явились изъявившие

покорность Мухаммеду духи — джинны, на вопрос Абдаллаха бен-Хусейна бен-Джабира аль-Масиси: «где господь был до того, как он сотворил небо?» — отвечала: «на светозарной рыбе, которая плавала в свете». Но вопросы, откуда взялся тогда свет и плавающая в нем рыба да и сам господь, часто вставали перед людьми. Передовым людям науки средневековья была понятна нелепость рассказов Корана и сунны о сотворении Вселенной.

Известный таджикский писатель и путешественник Насир-и-Хусрау (1004—1088) писал в «Книге путешествия» (Сафар-намэ) о следующей беседе, бывшей у него в городе Каин в 1052 году с Абу-Мансур Мухаммед ибн-Дустом, который, как говорили, обладал познаниями «во всех науках»:

«Он задал мне такой вопрос: «Что ты скажешь, есть ли какая-нибудь материя за пределами небесного свода и звезд?»

«Материей,— ответил я,— условились называть только то, что находится под этим небесным сводом, все остальное же нет...»

«А как ты скажешь,— спросил он,— есть ли за пределами этих сводов что-нибудь нематериальное?»

«Неизбежно,— ответил я,— ибо поскольку наблюдаемый мир ограничен, пределом его условились считать свод сводов. Пределом же называют то, что отделяет одно от другого. Следовательно, приходится сделать вывод, что нечто, находящееся за пределом небесного свода, должно как-то отличаться от того, что находится в его пределах».

«Так,— продолжал он,— если р а з у м (не вера! — Л. К.) заставляет признать, что существует это нечто нематериальное, то есть ли у него в свою очередь предел? Если есть, то до каких пор оно простирается? Если же нет, то каким образом безграничное может быть преходящим?...»

О таких вещах мы толковали некоторое время между собой.

«Все это чрезвычайно смущает меня»,— молвил он.

Я заметил: «Кого это не смущало?...»[1]

---

[1] *Носир Хисроу.* Избранное. Таджикгосиздат, Сталинабад, 1954, стр. 120—121.

Характерно также, что, например, герои поэмы «Искендер-намэ» великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами (1141—1203), обсуждая вопрос о происхождении мира, хотя и исходят из несостоятельных идеалистических представлений, но ищут более правильного на него ответа, чем давал Коран и другие религиозные книги.

В трудах ученых того времени уже содержались научные обоснования положений, расходившихся с догматами и учениями Корана. Так, великий среднеазиатский ученый и мыслитель Абу-Али Ибн-Сина (Авиценна, 980—1037) считал, что в мире царит естественная закономерность, исключающая участие «божественного провидения». Мир, по Ибн-Сине, материален, вечен и существует не по воле бога, а в силу непреложной необходимости. Исследуя вопросы происхождения гор и находимых среди них окаменелостей, Ибн-Сина, приняв во внимание то ценное, что было высказано по этому поводу рядом ученых древности, в своем энциклопедическом труде «Книга исцеления» («Китаб аш-шифа») приходит к выводу, что горы произошли естественным путем, без вмешательства Аллаха.

«Что касается возвышенностей (гор),— писал Ибн-Сина,— то их образование происходит в результате (различных) причин. Одна внутренняя причина обнаруживается во время сильных землетрясений, когда благодаря ветру,[1] вызывающему землетрясение, подымаются большие массы земли и таким образом сразу же появляется высота. Другая — случайная причина (заключается в следующем): на одних участках земли появляются углубления, не затрагивающие другие участки. Это происходит в результате разрушительного действия ветра и воды, уносящих одни части (поверхности) земли и оставляющих на месте другие. Там, где проходит (поток), образуется углубление; местность, где поток не проходит, остается в виде возвышенности. Затем потоки продолжают непрестанно углублять первоначальные русла, пока они не образуют глубокие ущелья, а местность (по сторонам) превращается в высокие горы... Мягкая, рыхлая земля размывается, а каменистая остается в виде возвышенности... И кажется, что современ-

[1] В смысле подземной бури.

ные населенные области в прошлом были необитаемыми, погребенными под морем. И окаменение произошло или после того как они освободились от воды постепенно в течение эпох... или же под водой, в результате действия громадной силы подземного жара. Более вероятно, что это (окаменение) происходит после того как (суша) поднялась и глина ее, будучи вязкой, оказалась способной к окаменению. По этой причине во многих каменных породах после их размельчения находят части водяных животных, как раковины и другие».[1]

Веком раньше видный арабский математик и астроном аль-Баттани (852—929) писал: «Земля кругла, ее центр — среди небесной сферы, а воздух окружает ее со всех сторон; сравнительно с орбитой знаков зодиака, она вроде точки по своей малости». Гениальный ученый хорезмиец Бируни (972—1048) критиковал тех, кто отвергал шарообразность земли. «Если бы Земля не была кругла,— утверждал он,— то... день и ночь не равнялись бы зимой и летом, условие же видимости планет и их движение было бы совершенно иным, чем оно есть на самом деле».

Как выяснила современная наука, Вселенная вечна и бесконечна, Земля же является одним из небесных тел (планет), обращающихся вокруг Солнца. При этом не только на Земле, но и на других планетах (например на Марсе), по-видимому, существуют условия, при которых возможно развитие растительности, жизни. Во Вселенной находятся миллиарды солнц, которые лишь из-за отдаленности от Земли кажутся нам небольшими звездами. Вокруг многих из этих солнц, как предполагают, должны обращаться свои планеты, населенные живыми существами. Таким образом, древние религиозные представления о том, что Земля создана богом и является центром мира, не выдерживают критики.

Познакомимся теперь с тем, что говорит Коран о происхождении человека и животных.

«Бог,— говорится в Коране,— сотворил всех животных из воды; из них некоторые ходят на чреве своем, некоторые ходят на двух ногах, а некоторые ходят на четы-

---

[1] Известия Отд. обществ. наук Академии наук Таджикской ССР, вып. IV, 1953, стр. 49—50. (А. М. Беленицкий. Геологоминералогический трактат Ибн-Сины).

рех. Бог творит, как хочет» (24, 44). Создавши «всяких животных», бог «рассеял» их по земной поверхности (2, 159; 31, 9).

При всей фантастичности этого утверждения, не случайно в нем все связано с водой. Дело в том, что вода всегда имела огромное народнохозяйственное значение. Особенно хорошо это было известно арабам, да и другим народам, жившим в условиях пустынь. «Земля без воды — мертва«,— гласит древняя пословица, распространенная в Аравии и других странах Востока. Завися от воды, но не понимая, что определяет ее наличие, в частности, ее выпадение в виде атмосферных осадков, люди слепо верили, будто б это происходит от «воли» неведомой им сверхъестественной силы. И чтобы умилостивить эту «силу», они обращались к ней с молениями о ниспослании дождя. Эти первобытные взгляды и отражены в Коране, в его мифе о сотворении животных, а также о разнообразии живой и «мертвой» природы. «Не видел ли ты, как бог низводит с неба воду? — читаем в Коране. — Ею мы произращаем разноцветные плоды. В горах есть дороги белые и красные, различные цветом, и темные до черноты ворона; и в людях, зверях, скотах есть также разные цветом» (35, 25). Эти речи, обращенные к кочевникам, земледельцам, а также к купцам, для торговых дел которых, по Корану, Аллах проложил «прямые пути» и «подчинил море» (45,11—12 и др.), соединены с уже известными нам представлениями о Земле как плоскости («ковре», «ложе») и т. п. Так, в стихе 55 главы 20 читаем: «Он (бог) для вас устроил эту Землю колыбелью, проложил для вас по ней дороги, с небес ниспосылает воду и ею изводит растения разных видов четами: «ешьте и пасите скот ваш!»

Таким примитивным воззрениям вполне соответствуют и мифы Корана о происхождении человека. Не считая беглых упоминаний, в семи местах Корана рассказывается о том, как Аллах сотворил человека; при этом Коран сам себе противоречит. В одном месте говорится, что бог сотворил человека из земли (22, 5 и др.), в другом — из глины (7, 11 и др.), в третьем — только из сущности глины (23, 12), в четвертом — из глины сухой «звенящей» (53, 13), в пятом — из глины липкой, следовательно, сырой (37, 11), в шестом — из глины вонючей, гончарной «скудели» (15, 26 и др.) и в седьмом — из воды (25, 56).

Все эти противоречия подтверждают то, что Коран составлялся не одновременно и автором его было не одно лицо. Одновременно они говорят также о том, что составителями Корана были люди, не знавшие, что жизнь на Земле развивалась постепенно, в течение сотен миллионов лет, от простейших организмов к сложным. Не было им известно и то, что человек не появился на Земле сразу в современном виде, а представляет высший результат развития жизни за весь период ее предшествующей истории, что далекие предки человека были одновременно предками человекообразных обезьян. Ведущую же роль в становлении человека сыграл труд.

И опять-таки антинаучные представления Корана о происхождении жизни и человека не только теперь, но уже в средние века противостояли пытливой мысли передовых людей, чем тормозили развитие знания, были помехой прогрессу. Так, Ибн-Туфейль, живший в Марокко и в Испании (умер в 1185), в своем философском романе «Живой сын Бодрствующего» («Хай Ибн-Якзан»), в противовес религиозному учению о сотворении всего живого богом, писал о самозарождении жизни (вернее, о рождении живых существ из неживой природы).

На некоем острове, во впадине земли,— рассказывал Ибн-Туфейль,— много лет бродила глина. «Наибольшей соразмерностью обладала ее середина, она же наиболее полно походила на состав человека. И начался в этой глине процесс зарождения. Стали возникать в ней, в силу ее клейко-жидкого состояния, как бы пузырьки, появляющиеся при кипении. В середине ее образовался особенно маленький пузырек, разделенный на две части тонкой перегородкой, наполненной нежным, воздушным телом, состав которого очень подходил к требуемой соразмерности в частях». Постепенно из этого пузырька образовался живой человек по имени Хай.

На самом деле жизнь на Земле зародилась не так просто, как предполагал Ибн-Туфейль. Но замечательна его мысль, что жизнь не богом сотворена, а возникла естественным, природным путем. Ибн-Туфейль высказывает устами Хая вольнодумные мысли. Например, он говорит, что «понятие возникновения мира после небытия мыслимо только в том смысле, что время существовало раньше его. Но время составляет часть всего мира и

неотделимо от него и, следовательно, предположение более позднего возникновения мира, чем времени — немыслимо». По существу, это означало признание вечности Вселенной и отрицание религиозного мифа о сотворении мира божеством.

В то время (800 лет назад) такие мысли были неслыханно смелы. Чтобы избежать обвинения в неверии, Ибн-Туфейль вынужден был тщательно маскировать свои взгляды. Но, признавая «прежние верования» противоречащими разуму, он считал, что религия и ее организации нужды для усмирения простого народа.[1] В этом сказывались классовые интересы и предрассудки Ибн-Туфейля, много лет служившего придворным врачом и министром феодальной династии Альмохадов, при которой ислам был государственной религией.

Даже при сопоставлении сведений Корана с тем, что знали о мире арабы периода возникновения ислама видно, что в нем очень мало реалистического отражения действительности. О последней можно судить, например, по образцам древне-арабской поэзии, дошедшим до нас, правда, в записях более позднего времени (VIII—X вв.). Как отметил акад. И. Ю. Крачковский, сравнивая «географический материал, сообщаемый поэзией и Кораном, не трудно видеть, что первый отличается большей конкретностью и реальностью. Второй почти не расширяет фактического кругозора, но зато обременяет его теориями, взятыми в большинстве случаев извне (из библейских и т. п. сказаний — Л. К.), — теориями, с грузом которых арабская географическая наука не всегда могла впоследствии справиться»[2].

Достаточно сказать, например, что географические сведения Корана ограничиваются упоминанием лишь нескольких городов и населенных пунктов Аравии, по преимуществу Западной. Это: Мекка (то же «Умм аль-Кура», то есть «Мать городов» и диалектально, с заменой первой согласной, «Бекка»), связанные с ней места

---

[1] См. *Ибн-Туфейль.* Роман о Хайе, сыне Якзана. Петербург, 1920.

[2] *И. Ю. Крачковский.* География у арабов до первых географических произведений. Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия востоковедческих наук, вып. 1. Ленинград, 1949, стр. 28.

религиозного культа — Сафа с Мервой и Арафат, также Медина (иначе — Ясриб), Бедр, Хунейн. В мифах Корана (11, 46) упоминается гора аль-Джуди, на которой якобы остановился Ноев ковчег (толкователями Корана эта гора то относилась к Мессопотамии, то отождествлялась с Араратом), Синай (тоже Синин), «святая долина Това» (Туван) — «место» первого «откровения» Аллаха Моисею. В сказаниях об исчезнувших городах и племенах упоминается Мадйан, обитатели которого были будто бы уничтожены во время землетрясения, посланного им милосердным Аллахом за неповиновение проповеди пророка Шогайба (7,83—91; 29,35—36; по 11,97—98, Мадйан сметен с лица земли бурей); в легенде о каре Аллаха упоминается мифический Ирем (89,6) и подобные ему «пункты». Из внеаравийских местностей один раз в связи с мифом об ангелах-чародеях Харуте и Маруте встречается название Бабил (Вавилон, 2,96), один раз «святая земля» (5,24), под которой толкователи Корана усматривают Палестину, и четыре раза при изложении мифов об Иосифе и Моисее, «Миср», то есть Египет. Но и при столь мизерных данных о других странах, о них порой даны неверные сведения. Так, излагая известный библейский сон-загадку царя (в Библии — египетского фараона) о семи тучных коровах, которые съели семь тощих, Коран от имени Юсуфа (Иосифа) пророчествует: «После того наступит год, в продолжение которого жители этой страны (Египта) будут иметь много дождей и соберут виноград» (12,49). Но и в древности люди знали, что урожай, в том числе винограда, в Египте зависел не от дождя, а от разлива Нила.

Подводя итог географическим сведениям Корана, его топонимике, акад. Крачковский правильно писал, что «нельзя не обратить внимание на скудость этого материала».

Однако даже те скудные и примитивные материалы Корана об Аравии и других странах, а также и по вопросам мироздания изложены так, что прививают людям неправильные, антинаучные взгляды. Между тем, эти взгляды в течение ряда столетий широко популяризуются, являясь составной частью не только молитв, программ мусульманских школ и религиозной литературы, но и, например, обрядовых песен. Так, в одной из сва-

дебных песен на популярный размер с рефреном «яр, яр» поется: «Сначала не было этого мира, сотворил его бог, яр, яр (друзья, друзья)!.. Взял он некоторое количество земли, яр, яр! Слепил человека и оформил его, яр, яр! Вдунул в него свой дух и дал ему жизнь, яр, яр!.. Угодно было богу дать Адаму жену... Вот от Адама и идет обычай устраивать свадьбы, яр, яр!»[1] Как видим, неправильные сведения о мире здесь связаны и с извращенным представлением о происхождении народных обычаев.

Коран, как мы уже отмечали, отрицает всякую закономерность в природе и обществе, подменяя ее формулами «бог творит, как хочет», он «совершитель того, что захочет» (85,16) и т. п. И существование человеческого общества объясняется лишь волей, произволом Аллаха, образ которого авторами Корана наделен и таким «качеством», как тщеславие. В Коране от имени Аллаха написано: «Я сотворил джиннов и людей только для того, чтобы они поклонялись мне» (51,56). Отсюда видно, что Коран — религиозное произведение, порой похожее на сказки: о мире реально существующем, в данном случае о людях, говорится то же, что и о мире фантазии, джиннах, то есть «духах» — гениях, созданных воображением древнего человека и затем усвоенным исламом.

Распространяя религиозный миф, по которому в мире действует произвол Аллаха, случай, «чудо», а не непреложные законы природы, комментаторы Корана часто теряли чувство меры. Так, толкователь Корана Ялчигулоглы Таджуддин в сочинении «Рисаля-и азиза» писал: «Всевышний бог, если даст повеление, может все твари, составляющие и этот видимый мир и другой небесный, совокупить вместе и поместить их в уголке ореховой скорлупы (фисташки), не уменьшая величины миров, не увеличивая объема ореха»[2].

Если такие утверждения были искренни, то, очевидно, их авторам, как и до них авторам Корана, было невдомек, что явления природы связаны между собой не случайностью, объясняемой в исламе волей божества, а не-

[1] Записана в Восточном Туркестане, в г. Хами. См. Н. Ф. Катанов. «О свадебных обычаях татар Восточного Туркестана». Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XII (1895), вып. 5, стр. 424—435 и след.

[2] *Таджуддин.* Рисаля-и азиза. Казань. 1850, стр. 21.

обходимостью. Между тем, не будь взаимообусловленной закономерности, а отсюда и периодичности явлений природы, отсутствовали бы элементарные условия для развития жизни и существования человека, невозможно было бы и научное предвидение. Конечно, когда создавался Коран, не только его авторам, но и тем, к кому они обращались, многое в явлениях природы было непонятно и, не находя правильного объяснения этому, они верили, будто все им непонятное зависит от божества. Но, как отметил Ф. Энгельс, «по существу дела совершенно безразлично, назову ли я причину непонятных явлений случаем или богом. Оба эти названия являются лишь выражением моего незнания и поэтому не относятся к ведению науки. Наука перестает существовать там, где теряет силу необходимая связь».[1]

Наука и религия полярны, несовместимы. «Если наука опирается на факты, на научный эксперимент и строго проверенные, подтвержденные жизнью выводы, то любая религия опирается лишь на библейские и прочие предания, на фантастические вымыслы».[2] И никакого компромисса, вопреки усилиям современных апологетов мусульманства, между наукой и исламом, как и всякой другой религией, не может быть. «Наука не может мириться с религиозными, вымышленными представлениями о жизни природы и человека, поэтому она несовместима с религией. Наука помогает человечеству все глубже и глубже познавать объективные законы развития природы и общества, помогает поставить силы природы на службу человеку, наука содействует повышению сознательности и росту культуры человека; религия же затемняет сознание человека, обрекая его на пассивность перед силами природы, сковывает его творческую активность и инициативу».[3]

---

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XIV, стр. 503.

[2] Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». «Правда», 11 ноября 1954 г.

[3] Там же.

НАУКА И КОРАН О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ И ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ. ВОЛЬНОДУМЦЫ И АТЕИСТЫ ВОСТОКА О ДОГМАТАХ И УЧЕНИЯХ ИСЛАМА

В противоположность научному, марксистско-ленинскому мировоззрению ислам направляет внимание человека не вперед, а назад. Согласно мифу Корана об Адаме и его жене, не знавших в раю голода и наготы, не страдавших от зноя и жажды (20,116—117), счастливый период человечества, его «золотой век» остался позади. Этот рассказ, сходный с библейским, не содержит ни грана правды и является вредной идеализацией первобытного общества. «Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы,— писал В. И. Ленин,— это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой».[1]

Учение ислама об оставшемся позади «золотом веке» — это проповедь отказа от борьбы за справедливое переустройство жизни на земле, проповедь покорности, пассивности, проповедь неверия в торжество человеческого труда, в возможность построения бесклассового коммунистического общества. По Корану, человек уже был «сотворен слабым» (4,32), «малодушным» (70,19), «торопливым» (17,12; 21,38). «Когда постигает его злополучие, он оказывается слабодушным; когда постигает его благополучие, он оказывается непослушным» (70,20—21).

Коран принижает достоинство человека, его разум, безграничные по своим возможностям творческие силы. Сколько бы ни старался человек, ничего хорошего, по Корану, он не создаст. Ибо якобы «жизнь в здешнем мире есть обманчивая утеха, обольщение, суетный наряд, тщеславие...» (57,19). И тому, «кто хочет сеять для этой жизни... не будет уже никакой доли в будущей» (42,19). «Люди! — запугивает Коран,— бойтесь господа вашего и страшитесь дня, когда ни отец нисколько не удовлетворит за детей, ни дети не удовлетворят за своего отца. Обещание бога истинно: да не обольстит вас эта земная

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 5, стр. 95.

жизнь... (31,32—33). Согласно Корану получается, что призвание человека не в общественно-полезном труде, не в совместной борьбе людей разных народов и стран за лучшую жизнь, где не останется и следов национального и социального угнетения, а в том, чтобы, перенося любые невзгоды, беспощадный гнет эксплуататоров, обратить свои помыслы на личное «спасение» в несуществующем раю, в жизни, которая якобы наступит после смерти. Это учение антиобщественно, антинародно; оно отвлекает трудящихся стран, где властвует капитал, от классовой борьбы за переустройство общества, в котором царит несправедливость.

Роль, отведенная во всех этих учениях и догматах Корана Аллаху, подтверждает мысль Ф. Энгельса о том, что «единство бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего противоположные силы природы, есть только копия единого восточного деспота, который видимо или действительно объединяет сталкивающихся в своих интересах людей».[1] Не случайно, что среди «имен» Аллаха есть слово «малик», то есть царствующий, царь. И Коран провозглашает: «Благословен тот, у кого в руке царство, потому что всемогущ» (67,1).

Положение, в которое Коран ставит человека, не совместимо с взглядами передовых мыслителей Востока. Так, Абулькасим Фирдоуси (ок. 934—1027) в своей гениальной поэме «Шах-намэ» («Книга царей»), вопреки коранические идеям о человеке, как рабе, существе извечно бессильном и малодушном, писал:

В цепи человек стал последним звеном,
И лучшее все воплощается в нем.
Как тополь вознесся он гордой главой,
Умом одаренный и речью благой.
Вместилище духа и разума он,
И мир бессловесных ему подчинен.
Ты разумом вникни поглубже, пойми,
Что значит для нас называться людьми.
Ужель человек столь ничтожен и мал,
Что высших ты в нем не заметил начал?[2]

Высказанные в «Шах-намэ» передовые взгляды нашли развитие и у других деятелей культуры Востока. На-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 45.
[2] *Фирдоуси*. Шах-намэ, т. 1, стр. 11. Изд. АН СССР, М., 1957.

пример, в XII веке Низами, воспевая мастера-каменотеса Фархада, славил всесилие созидательного труда:

Пусть кажется порой: безмерного труда
Рука преодолеть не сможет никогда,
Но сто булатных гор, воздвигнутых от века,
Сумеют разметать ладони человека.
Где то, чего б не смял всесильный род людской?
Лишь смерти не сразить невечною рукой.

О высоком назначении человека и радости его созидательного труда писал также классик казахской литературы Абай Кунанбаев (1845—1904).

Идеалы Корана не имеют ничего общего с гуманизмом, с пониманием высокой социальной роли человека, с благородными стремлениями людей к коллективному и общественно-полезному труду.

О загробном мире — о награде за покорность — рассказывается в мифе о рае и аде. Однако в этом сказании много непоследовательности и противоречий[1], но особенно обращает на себя внимание то, как его авторам — жителям знойного юга — представлялся загробный мир. В раю будто бы не будет солнца и сильной жары, но вместо этого — много влаги и тени; в аду, наоборот, их ждет бушующее огненное пламя. Там грешники «будут среди знойного самума и кипящей воды, в тени от черного дыма; не будет им ни прохлады, ни отрады» (56,41—43). По религиозным

[1] В частности, в Коране нет единого взгляда на то, когда наступит загробная жизнь. Различные ответы на этот вопрос были, по-видимому, связаны с древними представлениями, отраженными в мусульманском предании, по которым душа человека в течение года после его смерти держится вблизи тела и наблюдает за тем, как его наследник и родственники исполняют свои обязанности по отношению к умершему и его имуществу. Но та форма, в которой в Коране даны ответы на эти вопросы, говорит о том, что они вызваны практическими требованиями момента. Первый из ответов гласит, что божественное возмездие наступит сразу после смерти, «в час кончины» (16, 30—34). Другой утверждает, что умершие лишь после дня воскресения мертвых и всеобщего божьего суда получат «направление» на дальнейшее загробное жительство. Воскреснуть до этого они не смогут: «позади их преграда (бярзях) до дня, в который они воскресены будут» (23, 102). «Направления» же, которые они получат, будут разные. Одни из них явятся путевками на жизнь в прекрасном раю, другие — в ужасном аду и третьи — между раем и адом — «на преградах» (7,41—48; здесь «преграды», по-арабски «арафа», своего рода мусульманское «чистилище»).

взглядам жителей крайнего севера обычно все рисуется иным: в раю — тепло и солнечно, в аду — холод и снежная вьюга.

Впрочем, страдая от жары, зноя и песчаных бурь — самума, нередко сопровождающихся разрушительными смерчами, арабы издавна испытывали также страх и перед холодными ветрами, дующими в зимнее время с северо-запада, претерпевали много неудобств и от резкого падения температуры ночью. Не случайно в стихотворениях арабов, дошедших до нас в сборнике «Хамаса» («Доблесть»), дурной человек сравнивается с «холодным, сырым северным ветром, сирийским», от которого отворачивают лицо. А в мусульманском предании об аде рассказывается, что среди его отделений есть одно — аз-Замхарира, отличающееся страшным холодом. Это представление, по-видимому, получило широкую известность с того времени, как мусульмане живут в странах умеренного климата. В сочинении Ахмеда ибн-Фадлана, ездившего в 921—922 гг. вместе с посольством аббасидского халифа к царю волжских булгар, рассказывается, что когда они были в Хорезме и достигли области, где снег «падает не иначе, как с порывистым сильным ветром», то «подумали,— не иначе, как врата Замхарира открылись из нее на нас». В позднейшем богословском турецком сочинении Фурати (или иначе Фираки) «Кырк сюаль («Сорок вопросов») разъясняется, при объяснении глубины мусульманского ада (джаханнам), что в нем есть отделение, где «господствует холод — и настолько сильный, что если бы хоть незначительную часть его неосторожно как-нибудь выпустить, то от него погибли бы все земные твари».

Характерно также, что по представлениям последователей мусульманской секты исмаилитов, живущих в суровых условиях долины Хуф на Памире, на высоте в среднем 3 тысячи метров над уровнем моря (верхнее течение Аму-Дарьи или, иначе, Пянджа), ад — «очень холодная страна, где никогда не бывает тепла,— страна, наполненная змеями и различными насекомыми, среди которых живут грешники, мучаясь раскаянием в содеянных грехах»[1].

[1] *М. С. Андреев.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 1, стр. 205. Труды Академии наук Таджикской ССР, том, 7. Сталинабад, 1953.

Из этих примеров видно, как в религиозных представлениях людей отражаются особенности их жизни.

Ислам — религия классового общества, его учения о рае защищают интересы эксплуататоров. За что сулит Коран верующим райскую прохладу, приятные напитки и чернозеничных дев-гурий? «Истинно,— заключает Коран свой рассказ о рае,— это есть великое блаженство. Ради подобного ему — да трудятся трудящиеся» (37,58—59).

Как всякое религиозное учение о загробной жизни, сказка Корана о прелестях мусульманского рая всегда являлась в эксплуататорском обществе классовым орудием власть имущих, средством превращения трудящихся в безвольных рабов. Чем тяжелее, безысходнее было положение эксплуатируемых в этом единственно реальном мире, тем более красочно и заманчиво рисовало богословие фантастический рай.

Подобным же являлось и значение мифа о мучениях грешников в мусульманском аду.

Коран отстаивает мусульманское общество как «божественное» установление, выдает неравенство, классовый гнет, рабство за установления Аллаха. «Мы,— говорится от лица бога в Коране,— раздаем... жизненные потребности в этой дольней жизни, возвышаем одних над другими в степенях, так что одни... держат других подвластными себе невольниками» (43,31).

По Корану даже сам ислам является одной религией для представителей власти эксплуататоров — рабовладельцев, феодалов, купцов и другой религией для бедняков, угнетенных. Первые должны повиноваться только богу и его посланнику, а вторые — богу, посланнику и, кроме того, эксплуататорам, стоящим у власти (4,62).

Частная собственность решительно защищается Кораном. Он предупреждает неимущих, чтобы они не пытались изменить свое тяжелое положение путем какого бы то ни было посягательства на собственность богачей. «Не засматривайся очами твоими,— поучает Коран,— на те блага, какими наделяем мы (Аллах) некоторые семейства...» (20,131). Бедность, тяжкие человеческие страдания, социальная несправедливость, рабство и т. п.— все это, по Корану, благодеяния Аллаха.

Общественные идеалы передовых людей Востока коренным образом расходились с этими учениями Корана. Так, Низами, своим творчеством обогативший сокро-

вищницу мировой культуры, во второй книге поэмы «Искендер-намэ» нарисовал социальную утопию — «город счастливых» — общество, где все равны, нет богатых и бедных, нет эксплуатации человека человеком. Жители этой страны, куда герой поэмы Искендер (Александр Македонский) попадает, пройдя через владения китайского хакана, из Восточного края в страну Хирхиз (Киргиз, верховья Енисея), в Северный край,— рассказывают:

Если кто-то из нас в недостатке большом
Или в малом, и если мы знаем о том,
Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,
Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном:
Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.
В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.
Мы не знаем воров; нам охрана в горах
Не нужна. Перед чем нам испытывать страх?

В этом городе счастливых нет неравенства и угнетения человека человеком, насилия и рабства, выдаваемых Кораном за божественные установления. Не зная краж и грабителей, этих неизбежных спутников эксплуататорского общества, жители города счастливых не испытывают и болезней, живут до глубокой старости и, умирая, не жалеют о прожитом. Преждевременная смерть сражает лишь того, кто совершит воровство, нарушит гуманные законы. Счастье людей — результат коллективного труда. Все жители совместно и равно трудятся на полях, и урожай их велик: одно зерно рождает семьсот полновесных зерен.

Моральное учение Низами отражало чаяния и возвышенные стремления народных масс, не раз в своей истории восставших против угнетателей, оно высоко поднималось над господствовавшей феодальной идеологией его времени, по которой считалось, что только ислам через его духовенство и культ способен разрешить все сомнения человека, указать ему истинный путь.

Если Низами рисовал будущее общество свободным от насилия и угнетения человека человеком, то в произведениях, основанных на Коране, сунне и шариате, проводилась ложная мысль о вечности эксплуататорского общества как божественного установления. Так, в «Кабус-намэ», своеобразном мусульманском «Домострое»

XI века, указывалось: «Господь всевышний предопределил, чтобы одни были нищими, а другие богатыми. Ведь он мог всех сотворить богатыми, но все же создал два разряда из них, чтобы выявился сан и почет рабов (божьих) и высшие отделились от низших».

Такие мысли, исходящие из учений Корана, пронизывали десятки жизнеописаний мусульманских «святых», а также были отражены в официальных документах, имевших целью возвышение власти, основанной на угнетении большинства меньшинством. Например, в ярлыке бухарского эмира Музаффара, выданном в 1884 году, читаем: «Так как творец ночи и дня и всемогущий», «(который) что пожелает, свободно избирает» (неточная передача Корана (28,68), где сказано: «господь твой творит что хочет и что свободно избирает».— Л. К.) (возвысил) сынов рода человеческого по слову своему: «мы превознесли сынов Адама» (17,72) величием превосходства и вестью: «мы возвышаем некоторых (одних) из них над другими» (43,31, полный текст см. выше.— Л. К.),— то и нашу, отмеченную правосудьем, особу из среды людей он утвердил на престоле царства и завоевания стран и устойчивость фигуры нашей украсил одеждой полного благородства миродержавия». А на оттиске большой круглой государственной печати бухарского эмира, поставленной на обороте этого ярлыка, значится: «Эмирское достоинство есть заместительство (халифат) всевышнего господа, оно бывает (осуществляемо) путем оказания правосудия, если же оно лишено справедливости, то оно является наместничеством (халифатом) дьявола,— да будет он проклят!» «Его величеством, милостивым халифом» обычно называли бухарского эмира и в подававшихся ему заявлениях и документах просители и должностные лица[1].

История опровергла эти взгляды, выявила полную несостоятельность защиты эксплуатации и угнетения человека человеком, как и неустойчивость тех «фигур», которые подобно бухарскому эмиру использовали их для своего возвеличения. Учение, по которому человечеству

[1] *А. А. Семенов.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Труды Академии наук Таджикской ССР, т. XXV, вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 33—37, 62—63.

предначертано навечно жить в эксплуататорском обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями, не имеет ничего общего с правильным пониманием законов общественного развития.

Коран не только оправдывает эксплуатацию, рабство, но он разжигает также национальную вражду между народами, объявляя одних «правоверными», а других «неверными».

К. Маркс и Ф. Энгельс 24 марта 1854 года в статье «Объявление войны. Мусульмане и христиане», посвященной русско-турецкой войне, писали:

«Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию народов всего мира к простой удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных. Неверный, это — «гяур», это — враг. Ислам проклинает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами неверными»[1].

Разжигание розни между людьми различных вероисповеданий колонизаторы не раз использовали в целях ослабления народов Востока. Так поступили, например, английские империалисты при разделе Индии в 1947 году на Индийский Союз и Пакистан. Но прислужники империализма прекрасно понимают, что в условиях все более активизирующейся борьбы народов Востока за свои демократические и национальные права, когда люди разных вероисповеданий, а также атеисты принимают действенное участие в решении судеб всего мира, старые призывы к «священной войне» — джихаду, газавату, с противопоставлением одной религии другой, подчас оказываются неуместными. Поэтому в последние годы появились новые истолкования этого учения ислама, по которым джихад уже не «война за веру», а только требование «всеобщей мобилизации». Такими толкованиями заняты как некоторые из современных мусульманских богословов, так и отдельные представители буржуазного востоковедения.

Наряду с этими новыми истолкованиями тех мест Корана, где содержится проповедь вражды между людьми разных вер, апологетами ислама усиленно пропагандируются содержащиеся в Коране призывы к «братству

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. X, стр. 6.

всех мусульман». Между тем в этих призывах Коран подменяет классовые интересы людей их религиозной принадлежностью, отвлекает их от классовой борьбы. По своей сути эти положения Корана подобны евангельскому учению о непротивлении злу. Как в Коране, так и в евангелиях трудящимся предлагается любить своих угнетателей и эксплуататоров. Коран говорит, что это нужно делать потому, что они — мусульмане, а евангелия — потому, что нельзя противиться злому.

Не случайно подобного рода положения ислама, позаимствованные из сунны (по сборнику Абдуллаха Сураварди), издавались и такими «непротивленцами», как толстовцы, сектанты. Например, в изданных ими в издательстве «Посредник» в 1910 году «Изречениях Магомета, не вошедших в Коран», был приведен такой текст: «Помогай брату своему мусульманину, не разбирая, кто он: угнетатель или угнетенный». Антинародная сущность этого положения столь ярка, что, по-видимому, заставила задуматься и его сочинителей, приписавших эти слова пророку Мухаммеду. Они продолжили: «Но как же можем мы помогать ему, если он угнетатель?»— спросили пророка. Магомет отвечал: «Помогай угнетателю удерживаться от угнетения». Однако трудящимся хорошо известно, что значит «помогать угнетателю удерживаться от угнетения». Это значит отказаться от классовой борьбы, от защиты своих национальных и социальных прав, вечно гнуть спину в угоду эксплуататорам и колонизаторам, не вылезать из нищеты, бесправия и нужды. Таков реальный смысл таких поучений.

Подобные призывы можно было встретить и в буржуазных газетах, выходивших на национальных окраинах России. В передовой статье газеты «Тарджиман», выражавшей интересы татарской буржуазии, помещиков и мулл, 29 марта 1892 года, например, писалось: «Ислам нивелирует не только национальность, но и состояния. Он учит: «Между вами нет ни богатых, ни бедных, ни князей, ни нищих, а есть только мусульмане». Таким образом, с помощью ислама враги рабочих и крестьян пытались обмануть массы, подменить их классовые и национальные интересы чуждыми им религиозными взглядами. Однако это им не всегда удавалось.

Вот, например, как был выражен протест крестьянства против безземелья и капиталистической эксплуата-

ции в хрестоматии «Плоды для собеседников» («Фавакиг-уль-джюляса»), изданной в 1884 году выдающимся татарским просветителем Каюмом Насыри:

«Кто-то прочитал божественный стих: «И рай, широта которого — небеса и земля...» и заплакал. Его спросили, что ты плачешь? Ведь это не такой страшный стих, над которым можно плакать. Тот человек сказал: «Какая мне польза от его широты, когда у меня нет (куска) земли даже длиною с лапоть?».

Таково было отношение бедняков-крестьян к сулимым исламом райским благам. Беспросветно тяжелая жизнь безземельных крестян учила их, что нет равенства между богатыми и бедными, хотя бы и те и другие были мусульманами, что ислам не уравнивает, не «нивелирует... состояния».

«Российские мусульмане,— писалось в третьем номере большевистской газеты «Урал», выходившей в 1907 году в Оренбурге на татарском языке,— точно так же, как и все другие народы мира, безралично, какую бы религию они не исповедовали, к какой бы нации они не принадлежали, распадаются на классы. У мусульман также... имеются, с одной стороны, помещики и капиталисты, с другой — крестьянство и продающие свою рабочую силу рабочие. Люди с одинаковыми экономическими интересами составляют один класс. Интересы рабочего, продающего свою силу, совершенно противоположны интересам его хозяина, покупающего эту силу...»

И в наши дни эта статья «Урала» остается злободневной, ибо и сейчас в странах господства капитала враги рабочих и крестьян пытаются затемнить сознание людей антинаучными утверждениями, будто «ислам нивелирует нации», «мусульмане — одна нация», «среди мусульман нет классов и классовой борьбы», ислам открывает «третий путь» развития и т. п. нелепостями.

Исторический опыт учит нас, что подобная пропаганда особенно усиливается в периоды подъема освободительной борьбы трудящихся с целью ее ослабления. Так, после трехлетнего периода черной реакции (1908—1910 гг.), когда начался новый революционный подъем, издававшаяся в Петербурге газета «В мире мусульманства» в номере от 11 (24) октября 1911 года обратилась к «мусульманской интеллигенции» с призывом идти в

«массы», но не с «Капиталом» Маркса, а прежде всего с Кораном и шариатом...»

Этот исторический факт красноречиво свидетельствует о том, что именно ценит в Коране буржуазная мусульманская печать. Впрочем, в наше время, когда в странах Востока империалисты утратили былое господство, некоторые из проповедников религии, приспосабливаясь к новым условиям, непрочь найти и нечто «общее» между Кораном и «Капиталом» К. Маркса. Времена меняются, а с ними меняются и истолкования Корана...

Проповедники ислама и в наше время используют Коран как средство защиты частнособственнических отношений. Судебник, основанный на Коране, содержит в себе требование наказания людей за воровство.

42-й стих 5-й главы гласит: «Вору и воровке отсекайте руки в воздаяние за то, что сделали они, в назидание от бога». Шариат объясняет, что отрубить правую руку у вора надо даже в том случае, если украденное стоит только одну четвертую часть динара, золотой монеты. Таким образом, если бедняк или нищий под угрозой голодной смерти украл на базаре кусок мяса или булку, то он, по шариату, должен быть лишен правой руки.

Еще в 1875 году крупнейшему азербайджанскому просветителю Мирза Фатали Ахундову было ясно, что этот закон проявлял жестокость «во имя соблюдения имущественного обеспечения отдельных лиц... Известно,— продолжал Ахундов,— что вор совершает кражу по своей неспособности к добыванию средств существования. С отрубленной рукой он становится еще неспособнее к приобретению жизненных средств и в этом случае бывает принужден или вторично взяться за воровство (за что, по шариату, должен быть лишен и левой руки.—Л. К.), или умереть с голоду. Итак, отрезание руки в сущности представляет из себя некоторый вид убиения личности. Если же в наказание за кражу $^1/_4$ динара не отрубят у вора руки или он не найдет какого-либо другого наказания, то, быть может, он раскается, каким-нибудь образом приспособится к зарабатыванию средств пропитания и воспользуется жизнью. На свете нет блага, равного

жизни, и она не должна быть отнята во имя какой бы то ни было справедливости, по мелочным поводам».[1]

В Саудовской Аравии действует шариат, по которому преступнику отрубают правую руку, и характерно, что там «этот варварский обычай полностью сохранялся и на концессиях Арамко (американского нефтяного концерна, эксплуатирующего природные богатства Саудовской Аравии.— Л. К.) в 1948 году. Но нож палача стерилизуется в больнице, и американский врач, присутствующий при такой средневековой пытке, налагает швы на рану». Видный деятель английского рабочего движения Р. Палм Датт приводит этот факт как пример «сочетания самого современного империализма со средневековой реакцией».

Воровство — тяжкое преступление и за него, конечно, надо строго наказывать. Но факты свидетельствуют, что жестокое наказание, выдаваемое Кораном за «назидание от бога», применявшееся много столетий, не смогло изжить это преступление. Корни массовой преступности в эксплуататорском обществе находят питательную среду в самом строе, основанном на эксплуатации человека человеком. Только с ликвидацией эксплуататорских классов и уничтожением нищеты и безработицы устраняется и почва для массовой преступности.

Так обстоит дело с правовыми нормами Корана и шариата.

Значительное место в Коране занимает учение о предопределении — такдире. Его роль в исламе столь велика, что К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «... мусульманство построено на фатализме»[2]. Действительно, изображая человека безвольным, Коран заявляет: «люди могут хотеть только того, чего хочет бог» (81,29), у них «нет свободного выбора» (28,68). Коран отрицает свободу человеческой воли, самостоятельность личности, а тем самым и роль народа как подлинного творца истории, создателя всех материальных и духовных ценностей.

Если в отдельных местах Корана и говорится, что люди могут действовать и иначе, чем их учит Аллах, то только в виде угрозы: поступайте-де по-своему и дожде-

[1] *М. Ф. Ахундов.* Избранные философские произведения. Баку, 1953, стр. 253.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. IX. стр. 483.

тесь наказания: бог вас не пощадит. Так, читаем: «То, чем угрожается вам, действительно наступит, и вам того не отклонить. Скажи: народ мой! действуй по своему душевному настроению, я буду действовать по своему... Скоро узнаете, кому достанется наследие этого жилища. Истинно, беззаконные не будут счастливы» (6,134—136). И еще: «Скажи: сограждане мои! поступайте по вашему внутреннему настроению, а я буду поступать по своему, и вы скоро узнаете: на кого придет наказание, посрамляющее его, и кого постигнет наказание, непрекращающееся?» (39,40).

Только затемняя смысл Корана, можно было помещать эти стихи в главу «Прогресс. § 2. Инициатива», как это сделал французский исследователь Жюль Ля Бом. История подтверждает, что такие поучения способствуют не прогрессу, а регрессу, они толкают людей на бездеятельность, пассивность, неверие в свои силы.

Несоответствие жизненному опыту людей учения ислама о предопределении вызывало споры и разногласия среди богословов. Эти споры нашли выражение, в частности, в течении мутазилитов. Сторонники взглядов, сформулированных мутазилитами, были еще в период последних редакций Корана, при аль-Хаджжадже и халифе Абд-аль-Мелике (правил в годы 685—705). Во всяком случае, по приказу одного из них, в Басре был казнен мутазилит Ма'бад из племени Джухейны за то, что решился открыто проповедовать свободу воли. Неоднократно были и казни мутазилитов, а также представителей других течений в исламе (так называемых «кадаритов», «рафизитов»), отрицавших зависимость человеческой воли от бога, исповедовавших догму, по которой Аллах не предопределил действий и склонностей своих творений. В «Сиасет-намэ» — книге о правлении визира XI века Низам-аль-мулька содержится осуждение еретиков: «Кадариты и рафизиты не являются участниками ислама». И к этому еще добавлено, вполне в духе учения о джихаде, следующее «изречение» того же посланника Аллаха, обращенное им якобы к будущему халифу Али: «О, Али, ты и твоя семья будете в раю, но после тебя появится народ, его назовут рафизиты; если встретишь их — убивай, так как они — неверные».

Но, конечно, и репрессии не могли искоренить «ересь», и даже во втором по числу приверженцев направлении

ислама — шиизме — догмат о зависимости человеческой воли от Аллаха не получил развития[1]. В суннитском богословии поэтому были сделаны попытки как-то «согласовать» этот догмат о предопределенности с практикой. Ведь люди страдали, например, от шариатского суда за действия, в которых — по Корану — они не были вольны. Главные «труды» в таком «согласовании» принадлежат богослову Абу-ль-Хасану аль-Аш'ари (умер в 935 г.). Но и после его «согласований», при господстве суннитского, официального богословия — ислама, передовые деятели стран распространения ислама не боялись выступать против учения о предопределении, как нелогичного, противоречащего науке и опыту.

Например, выдающийся, философ, астроном и математик Насирэддин Туси (1201—1274, Иран) подверг критике хитросплетения аль-Аш'ари, по которому движение и другие физические действия человека есть творения бога, одновременные со случайными проявлениями способности и воли человека, также якобы сотворенными Аллахом. В совпадении творческого акта Аллаха с волей и способностью человека к действию находится, по аль-Аш'ари, момент «присвоения» (аль-касб) человеком себе действия, поступка; по этой причине («присвоения») поступок и получает значение хорошего или дурного, а человек несет ответственность за него.

Путем такого крючкотворства аль-Аш'ари стремился «доказать» правильность того, что тысячи людей, поступки которых ислам считал проявлением воли Аллаха, преследовались, гнили в тюрьмах, предавались казни.

Насирэддин Туси в своей «Книге отделов по основам (догматики)» («Китаб аль-фусуль фи-ль-усуль»), возражая аль-Аш'ари, писал, что люди «сами, по своему свободному выбору, творят совершаемые ими поступки, ибо таковые совершаются в соответствии с их внутренними побуждениями... Если творцом дурного является кто-либо иной, чем Аллах, то то же надо сказать и о хорошем, ибо мы в силу очевидности знаем, что тот, кто (может) творить дурное, (может) творить и хорошее, что тот, кто (может) лгать, может говорить и правду. А то, что устанавливает Абу-ль-Хасан аль-Аш'ари и называет

[1] Вернее, этот догмат принял в шиизме другую форму, выраженную в учении о «скрытом имаме», своего рода мессии ислама, который будто бы установит справедливый социальный строй.

«присвоением», причем он и совершение и несовершение поступка ставит в зависимость от всевышнего, не признавая за людьми ни малейшей доли влияния (на собственные поступки),— это (просто) не поддается уразумению».

Еще более определенно высказывались те представители науки и культуры Востока, которые, не выделяя ни одной религии, находили, что всех их характеризуют ложь и обман. В числе этих ученых и писателей были и предшественники Насирэддина Туси. Так, нам уже известный Абу-ль-Ала аль-Ма'арри писал в XI веке: «Если тот, кто совершит преступление, лишен свободной воли, то наказывать его за его проступки — не есть ли это жестокий произвол! Господь, когда создавал руду, знал ведь заранее, что из нее будут поделаны блестящие мечи. Знал же он, что этими мечами будут проливать кровь люди...»

Столетием позднее другой знаменитый поэт и ученый Омар Хайям (около 1040—1123 гг.) из Нишапура также выступал против учения о предопределении, смело высмеивая религиозное учение о боге, якобы предначертавшем судьбу своих «созданий»:

Жизнь сотворивши, смерть ты создал вслед за тем,
Назначил гибель ты своим созданьям всем.
Ты плохо их слепил? Но кто тому виною?
А если хорошо, ломаешь их зачем?

Мусульманское учение о предопределении, по которому все на свете совершается по воле бога, разоблачается и в фольклоре народов Востока, например, в каракалпакской поэме «Сорок девушек» (Кырк кыз), записанной от сказителя Курбанбая Тажибаева. Персонаж этой поэмы нищий пастух Журын испытывает на себе жестокость и нелогичность этого учения. В то время как он ходил свататься к прекрасной Гулаим, волки уничтожили значительную часть байских овец, которых Журын пас. Пастух не воспринял этого безропотно. По его мнению, бог, которого называют «всемилостивым», является не источником милости, а причиной общественного неравенства и несправедливости.

Ты посох мне дал, но лишил меня крыл,
У бая на службе меня изнурил...
Влюбленного — ныне казнишь, так скажи,
Зачем ты мужчиной меня сотворил?
Ты, боже, на слезы мои не глядел.

Ты, боже, молений моих не хотел;
Я славил и денно и нощно тебя,
А ты и козленка не дал мне в удел...
Когда я свой стан распрямил, наконец,
И двинулся в путь, — что ты сделал, творец!
Тебе не жена, не сестра Гулаим, —
Зачем ты волков натравил на овец?...[1]

Критически относясь к учениям Корана, выдающиеся представители науки и культуры народов Востока не отдавали предпочтения какой-либо религии. Приближаясь к познанию их подлинной сущности, например, Омар Хайям во всех верах находил «язык смиренья рабий». В одном из его четверостиший (рубаи) читаем:

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе.[2]
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий.
И рабства низкая печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.[3]

Эти высказывания передовых мыслителей Востока были неслыханно смелыми для того времени и объявлялись еретическими. Но они имели большое прогрессивное значение, Абу-ль-Ала аль-Ма'ари, Омар Хайям, как и Абу-Али ибн-Сина, Бируни, Низами и многие другие ученые, философы и писатели стран Востока, являлись представителями того «жизнерадостного свободомыслия», которое, как отметил Ф. Энгельс, подготовило на Западе «материализм XVIII столетия»[4]. Для последующего развития этих передовых взглядов огромное значение имела русская революционно-демократическая общественная мысль.

Выдающийся казахский ученый и путешественник Чокан Валиханов (родился в 1835 или 1837 г., умер в 1866 г.) писал с атеистических позиций о бесполезности религиозных обрядов и общественном вреде, происходящем от нетерпимости, разжигаемой между последователями разных вер: «О вреде мусульманского изу-

[1] Сорок девушек. Кара-калпакская народная поэма. Зап. со слов сказителя Курбанбая Тажибаева. В переложении А. Тарковского. Гослитиздат, 1956, стр. 73—74.

[2] Кааба (Ка'ба) — храм в Мекке; назван так по его внешнему виду, имеющему приблизительно форму куба: по-арабски «ка'ба» (кааба) — игральная кость кубической формы, куб.

[3] Михраб — ниша в мечети, показывающая сторону поклонения мусульман во время молитвы. У михраба молится предстоятель — имам, мулла.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XIV, стр. 476.

верства и вообще всякого религиозного фанатизма на социальное развитие народов,— отмечал Валиханов,—... мы считаем излишним распространяться. Известно, что и в Европе преобладание теологического духа проявлялось в народном развитии самым бедственным образом»[1].

В те же примерно годы Мирза Фатали Ахундов (1812—1878), детально рассмотрев учения и историю ислама, пришел к выводу, что «исламизм со времени возникновения своего доселе не принес нашему отечеству ни малейшей пользы, кроме вреда»[2].

Развивая лучшие традиции передовой атеистической мысли, классик башкирской и татарской литературы Мажит Гафури (1880—1934) писал, что учения ислама о предопределении, доброте и всемогуществе Аллаха не только не логичны, противоречат науке и опыту, но и дают превратное представление об истинных причинах страданий трудового народа под игом эксплуататоров. В 1915 году, не побоявшись навлечь на себя новые преследования со стороны светских и духовных властей, Мажит Гафури в стихотворении «Видно, нет тебя, Аллах...» говорил:

О, Аллах, видно, нет тебя!.. Если бы ты был,
Ты карал бы неправду и сеял добро
И не тратил своих сверхъестественных сил,
Чтоб возвысились золото и серебро.
Обездоленным дал бы ты кучи монет,
Богачу запретил бы терзать бедняка,
На разбой и грабеж наложил бы запрет,
И в беде нас твоя поддержала б рука...
Ты могуч. Почему ж не издал ты приказ
И словечка не вымолвил ни одного,
Чтоб любовь процветала всегда среди нас,
Чтобы дружба справляла свое торжество?..

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ КОРАНА И ЕГО НОВЕЙШИХ ИСТОЛКОВАНИЙ

Коран, подобно «священным писаниям» других религий, есть книга, отражающая интересы определенной исторической эпохи, классового общества, где большинство угнетало меньшинство. То, что учения Корана защищают интересы эксплуататоров, понимали как фео-

[1] *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 102.
[2] *М. Ф. Ахундов.* Избранные философские произведения, стр. 172.

далы, так и представители буржуазии. Именно поэтому, когда жизнь выдвигала новые требования, идеологи эксплуататорских классов пытались «согласовать» такие требования с Кораном. Этим объясняется появление в период развития буржуазных отношений новых толкований Корана, стремящихся приспособить его обветшавшие положения к требованиям буржуазной эпохи. В этом смысле характерно появление толкований Корана вначале XX века в царской России. Не случайно и в буржуазно-помещичьей Турции задача нового истолкования Корана была поставлена в числе важнейших перед образованным в 1924 году, после упразднения халифата, богословским факультетом Стамбульского университета. Приспособленные к запросам буржуазии многочисленные толкования Корана появляются сейчас в капиталистических странах. Эти истолкования, между прочим, предлагают понимать красочно описанные в Коране прелести рая и ужасы ада как иносказания, передающие переживания «души» и т. д. Но, конечно, в существе своем эти истолкования ничего не меняют, они лишь подновляют, приспосабливают устаревшие представления людей к новым условиям. Представление об Аллахе как едином всемогущем творце мира, без воли которого ничто не может произойти, утвердилось в сознании людей как фантастическая «копия единого восточного деспота» (Ф. Энгельс)[1]. Такое изображение Аллаха соответствовало взглядам феодального общества и, в частности, давало возможность использовать его в целях возвеличения власти халифов и султанов, выдававшихся за «тень бога на земле его». Но в условиях нового времени, когда султан и халифат были уничтожены и в большинстве стран распространения ислама установились республиканские порядки, это изображение устарело. Поэтому многие из современных идеологов ислама и пытаются «обновить» представления об Аллахе, хотя и обращаются для этого, прежде всего, к тому же Корану.

Власть монополистического капитала безлична. И как бы отражая ее, богословы наших дней в буржуазных странах на первый план выдвигают тексты Корана, содержащие следы религиозно-философских (гностических)

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 45.

влияний (24,35: «бог есть свет небес и земли»), а большинство других мест толкуют как иносказания, аллегории. 35 стих 24 главы Корана, где об Аллахе говорится как о чем-то безразличном, хотя и охватывающем все существующее, приводится теперь в ряде богословских сочинений как своего рода девиз. Это можно видеть, например, в заголовках статей, печатавшихся в 1956 и 1957 годах в мусульманском ежемесячнике «Исламик ревью» («Islamic Review»)[1], издающемся в Уокинге близ Лондона (при мечети Шах-Джехан). С этой же целью теологи ислама обращаются к текстам пантеистического характера, то есть к положениям, отождествляющим природу и бога, заимствуя их у средневековых мистиков-суфиев.

И хотя наш век выявил полную несостоятельность стремлений богословов подчинить науку религии, они не оставляют попыток приспособиться к науке. Ради этого они извращают добытые наукой данные об окружающем нас мире, вновь отстаивают догмат о несотворенности Корана, стремятся отождествить бога и природу, пишут о непознаваемости мира, прибегают к разным формам философского идеализма. Но у богословов и теперь нет для этого сколько-нибудь убедительных доводов, кроме желания найти более действенные средства для искусственного подогревания религиозных чувств. Характерна в этом смысле, например, статья Хаммуда Гораба о теории присвоения аль-Аш'ари, напечатанная в 1956 году в редактируемом им трехмесячнике «Исламик квотерли», издающемся в Лондоне «Исламским культурным центром». «Я сознаюсь,— пишет ее автор,— что я симпатизирую разрешению вопроса аль-Аш'ари, несмотря на слабость его доказательства, ибо если мы верим, как думал аль-Аш'ари, что мы ничего не создали и что наша способность в приобретении труда не остается, но что мы всегда в каждом труде нуждаемся в помощи бога, то наше религиозное чувство возрастает; в то время как теория мутазилитов заставляет нас чувствовать, что мы творцы и не зависим от бога». Последнего же автор более всего боится.

---

[1] Журнал был основан около 45 лет назад по инициативе главы секты ахмадийя, прославлявшего «благожелательность британского управления» в Индии.

Стремление во что бы то ни стало принизить созидательную ценность труда человека, масс — основное в статье современного богослова. Ее автор даже не в силах скрыть своего намерения. «Возможно,— пишет он,— пропагандируя теорию аль-касба,— это обедняет (буквально — грабит) человека в реальности его выбора, но это может ослабить разрешение вопроса Ибн-Рушдом (Аверроэс, 1126—1198.— Л. К.), по которому человек свободен в выборе, но ограничен обстоятельствами».

Итак, борьба со свободомыслием и наукой и сейчас объявляется современными богословами самой главной задачей, для решения которой они мирятся и со средневековой казуистикой, и с допущениями, неправильность и абсурдность которых была доказана в средние века, в том числе знаменитым философом Ибн-Рушдом.

С этой стороны характерен и доклад пакистанского философа К. М. Джамиля на тему «Философия и религия», сделанный в секции философии религии Четвертого Пакистанского философского конгресса в Дакке в феврале 1957 года. Опираясь на 103 стих 6 главы Корана,— «взоры не постигают его (бога), но он постигает (все) взоры»,— Джамиль пытается возродить давно опровергнутый взгляд о непознаваемости мира и недостаточности человеческих чувств для восприятия мира в его целостности и т. д. Исходя из этого неправильного положения, он восхваляет мусульманских мистиков-маджзубов и людей других степеней «святости», якобы «непревзойденных» в познании недоступных философам областей «сверхъестественного». Повторяя и защищая старые теории мистиков, по которым высшее знание достигается путем «внутреннего созерцания», «чуда», Джамиль во многом повторяет теории новейших западноевропейских и американских философов-реакционеров.

«Теории» непознаваемости мира и недостаточности человеческих чувств, как известно, в эпоху империализма отражают страх эксплуататорских классов за свое будущее и стремление отвлечь массы от стоящих перед ними основных общественных проблем. Не случайно и в докладе «Философия и религия» призывы к примирению науки с религией сопряжены со стремлением «освободить человечество от все возрастающего влияния материализма».

В соответствии с такими богословскими и философскими (точнее — теософскими) работами находятся и новые переводы Корана на языки английский и немецкий, в частности, подготовленные и субсидированные представителями секты ахмадийя. Новейшие буржуазные востоковеды — переводчики и истолкователи — Корана стремятся «вновь открыть насущные истины», якобы содержащиеся в мусульманском мистицизме-суфизме. Они готовы всячески способствовать дальнейшим реформам в исламе, чтобы сохранить его хотя бы в подновленном виде как выгодное колонизаторам орудие духовного порабощения масс. Этим объясняется то, что в органах западноевропейского исламоведения все чаще появляются призывы к мусульманским организациям «критически» отнестить к средневековым «ценностям» ислама. Решение такой задачи, в частности, возлагается на богословский факультет Анкарского университета, открытый в начале 1949 года. «Если богословский факультет в Анкаре на основе исследования источников предоставит место историческому критицизму,— читаем в обозрении журнала, издаваемого этим факультетом,— то это будет большой выгодой для ислама, и Турция смогла бы вернуться к вновь сформулированному шариату», то есть мусульманскому законодательству, отражающему уже не феодальные, а буржуазные интересы.

В целях поддержания отсталости и обмана масс перед богословским факультетом Анкарского университета поставлена также задача «устраивать очную ставку духовных ценностей ислама с современными науками...»

Такая затея не нова и смысл ее ясен. Демонстрация «примирения» религии с наукой, то есть фальсификация науки, не раз уже предпринималась и «христианской теологией», на пример которой, кстати, ссылаются авторы цитируемой статьи, помещенной в издающемся в Голландии, в Лейдене, журнале «Мир ислама».

Успехи подлинного знания, научно-материалистического мировоззрения, подрывающего основы религии, вызывают беспокойство и страх у апологетов капитализма и колониализма. Всяческие модернизации ислама — это попытки затормозить общественное развитие, так как с помощью религии буржуазия затуманивает сознание народа и тем самым отдаляет час своей гибели.

Статьи современных модернизаторов ислама часто пронизаны откровенными антидемократическими призывами и страхом перед национально-освободительным движением и марксизмом-ленинизмом. Так, уже из названия статьи Набиха Фариса «Исламская община и коммунизм. Является ли современный ислам гарантией против распространения коммунизма в мусульманских странах?»[1] можно понять, что беспокоит ее автора. Под видом разъяснения сущности ислама он сокрушается о том, что «в результате неудачного исламского политического опыта с Западом», «доверие среднего мусульманина к западной демократии», то есть капиталистическим государствам, подорвано. И в то же время «не похоже также, чтобы средний мусульманин сопротивлялся распространению коммунизма в серьезной и эффективной форме».

По этой же причине в буржуазной печати появились статьи, трактующие Коран в духе некоего «религиозного социализма», выдающие его учения за единственное средство разрешения классовых противоречий, панацею от социальных бед и т. д. Подобно проповедникам пресловутого «христианского социализма», такие истолкователи Корана стремятся обмануть трудящихся, воспользовавшись для этого дорогим миллионам людей словом «социализм».

Но учения и догматы Корана, как и вообще ислама и всякой другой религии, ничего общего с социализмом, с марксизмом-ленинизмом не имеют. Теоретической основой марксизма-ленинизма является диалектический материализм, противостоящий идеализму, схоластике, всему тому, что составляет существо каждой религии и выражено в ее «священных» книгах.

Не случайно становится все труднее проводить в жизнь планы и начинания современных богословов и буржуазных востоковедов по подновлению Корана. Ведь и на зарубежном Востоке, в странах распространения ислама, особенно в тех из них, которые добились политической независимости и борются за мир и прогресс, поднялись и все более крепнут силы, ведущие борьбу против бесправия, рутины и косности. Времена, когда

---

[1] The Islamic Review, 1956, № 6, стр. 28—31.

считалось, что знание Корана — высшая добродетель и признак всесторонней образованности, прошли и никогда не вернутся. Очень интересны в этом смысле наблюдения, сделанные чехословацкими путешественниками инженерами И. Ганзелкой и М. Зикмундом, посетившими Ливию в 1947 году. В этой стране (в 1951 году Ливия добилась государственной независимости), как писали Ганзелка и Зикмунд, «появились рядовые мусульмане, которые осмелились мысленно посягнуть, пусть только в кругу близких друзей, на нерушимые догмы Корана. Эти люди ослеплены красотой мечты о новой Триполитании, в которой не будет неграмотных, школ хватит для всех, не будет ни одного «хаули» (то есть ни одной женщины, надевающей ритуальное покрывало, род чачвана, паранджи.— Л. К.). Эти молодые арабы еще только привыкают к огромному перевороту в своем мышлении, но они уже приводят его в порядок и начинают искать пути к осуществлению своих грез»[1]. Рассуждения этих людей, как отмечают чехословацкие путешественники, иногда весьма трезвы. «Нам не нужны люди, знающие наизусть Коран,— не раз слышали мы негодующую критику из уст восемнадцатилетнего Салима Шатани.— Нам нехватает врачей, инженеров, строителей, агрономов. Мы умеем ездить на автомобилях, но не умеем производить их. Мы умеем повернуть выключатель, но не знаем, почему зажигается электрическая лампочка. Нам нужны учителя, которые вместо Корана рассказали бы нам о демократических конституциях или о технике производства цветного фильма...»[2]

---

[1] *И. Ганзелка* и *М. Зикмунд*. Африка грез и действительности, т. 1, стр. 83, Изд. Иностранной литературы. М., 1956.

[2] Там же, стр. 80.

О том, как пробуждение классового самосознания трудящихся Арабского Востока, их участие в борьбе за свои социальные права способствует преодолению отсталости и предрассудков, в частности, пониманию неправильности учения о полной зависимости людей от «воли Аллаха», теперь можно прочесть и в произведениях художественной литературы, например, в уже упоминавшейся повести М. Пашека «Ловцы жемчуга». (Перевод с чешского. Географгиз. М., 1957). Герой этой повести бедняк мусульманин-сомалиец Саффар ас-Сейф, пытаясь осмыслить пережитое в борьбе за свои социальные права, приходит к выводу, что в событиях, которые он наблюдал, «воля людей значила гораздо больше, чем воля Аллаха» (стр. 114).

Есть страны зарубежного Востока, где эти смелые голоса более многочисленны и звучат еще сильнее. Жизнь убеждает все большее число людей на Ближнем и Среднем Востоке и в том, что выступления американской и западноевропейской буржуазной печати с декларациями и «доктринами» о покровительстве странам ислама — не более как пропагандистский трюк, имеющий целью замаскировать новые происки колонизаторов. О действительной цене такого «покровительства» народы Азии и Африки могут судить по таким фактам, как англо-франко-израильская агрессия против Египта, грязная война французских империалистов в Алжире, английских — в Омане, на юге Аравии, как чреватые новой войной происки и открытая агрессия империалистов США и Англии в Ливане и Иордании и других районах Востока. Все эти факты подтверждают, что и в наши дни «богом зачастую прикрываются для того, чтобы, используя чувства верующих, обмануть людей. Но ведь это просто фарисейство»[1].

В работах прогрессивных литераторов о Коране говорится уже не как о чем-то вневременном, несотворенном, а как о сочинении, наряду с другими ее произведениями, выражающем определенную эпоху арабской литературы. Иракский писатель Казим ас-Самави, известный своими сочинениями на антиколониальные темы, в статье, опубликованной в сентябре 1958 года, пишет: «История возникновения арабской новеллы восходит еще к доисламскому периоду. Своеобразными предшественниками новеллы можно считать некоторые произведения арабского героического эпоса... Затем появился Коран, состоявший в основном из отдельных коротких рассказов»[2].

Колоссальные сдвиги, происходящие в странах Востока, ярко выявила Конференция солидарности стран Азии и Африки, состоявшаяся в Каире с 26 декабря 1957 года по 1 января 1958 года. В принятой Конференцией резолюции «О социальном развитии стран Азии и Африки» с большой четкостью определены действительные источни-

---

[1] *Н. С. Хрущев.* Беседа с главой газетно-издательского треста В. Р. Херстом. «Правда», 29 ноября 1957 г.

[2] *Казим ас-Самави.* О современной арабской литературе. Журн. «Иностранная литература», 1958, № 9, стр. 202—203.

ки социальных бедствий и пути их уничтожения. «Колониализм и империализм в своих различных формах,— говорится в этом документе,— лишают личность достоинства, присущего ей как члену общества в творческой и социальной областях, подрывают энергию народов в своих империалистических целях и эксплуатируют труд мужчин и женщин ради своего собственного обогащения...

Серьезные усилия в направлении социального прогресса никогда не могут быть оторваны от неуклонной и упорной борьбы за политическую независимость и самоопределение. Поэтому неизбежно, что все программы социального благополучия должны быть неразрывно связаны с полным освобождением от всевозможного империалистического давления. Освободительные движения последнего времени доказали, что творческие и конструктивные силы нации могут быть высвобождены только в том случае, если народ полностью понимает, что его усилия будут на благо ему самому, а не чужестранной державе-угнетателю или тем, кто эксплуатирует его внутри страны»[1].

Огромное значение для развития стран Ближнего и Среднего Востока имеет опыт Советского Союза, Китайской Народной Республики, всех стран социалистического мира, их достижения в подъеме своего хозяйства и культуры.

В Советском Союзе власть находится в руках рабочих и крестьян, ликвидированы эксплуататорские классы, заинтересованные в обмане народа и использовании в этих целях религиозных предрассудков. В нашей стране делается все для развития естественных и общественных наук и техники, созданы все условия для освобождения людей от всякой рутины, от религиозных представлений.

Церковь в СССР отделена от государства, а школа — от церкви. Конституция Союза ССР обеспечивает гражданам социалистического государства подлинную свободу совести, какой нет и не может быть ни в одном капиталистическом государстве.

Примером уважительного отношения Советской власти к религиозным чувствам мусульман может служить постановление Совета Народных Комиссаров, изложен-

---

[1] «Правда», 4 января 1958 г.

ное в письме за подписью В. И. Ленина от 9 декабря 1917 г., предлагавшее «немедленно выдать Краевому Мусульманскому Съезду «Священный Коран Османа», находящийся в Государственной Публичной Библиотеке».[1]

В нашей стране каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, то есть быть атеистом. В статье 124 Конституции сказано: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Только на основе передовых научных знаний, а не религиозных догматов и учений, изложенных в «священных книгах», отражающих взгляды и представления древних людей о законах общественной жизни, можно правильно оценить прошлое, настоящее и будущее человечества, обеспечить наиболее полное использование богатств природы на благо людей. Лишь на научной основе можно добиться дальнейшего подъема промышленности и сельского хозяйства, развития производительных сил страны, повышения материального благосостояния и культурного уровня советских людей. Коммунистическая партия Советского Союза делает все для пропаганды современных передовых научных знаний, для воспитания советских людей в духе материалистического научного мировоззрения — марксизма-ленинизма.

Об огромных результатах, достигнутых в нашей стране в развитии науки и техники, красноречиво свидетельствует успешный запуск советских искусственных спутников Земли.

В мире нет теперь страны, где не шла бы борьба света и тьмы. Устраняя со своего пути преграды, новое, передовое идет вперед, широко освещая путь всем, кто поднялся на борьбу за торжество разума, справедливости и равноправия, за мир, демократию и социализм.

---

[1] Полный текст письма опубликован в журн. «Дружба народов», М., 1957, № 11, стр. 16.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Происхождение и содержание Корана 3

Наука и Коран о Вселенной, Земле и человеке 14

Наука и Коран о смысле жизни и общественном развитии. Вольнодумцы и атеисты Востока о догматах и учениях ислама 26

Социальная сущность Корана и его новейших истолкований. 42

70 к.